

Двойной портрет

Не барин и не жлоб

ЛИЦЕПРИЯТНЫЙ ПОРТРЕТ ОТ ВИКТОРА МАТИЗЕНА

Его можно назвать счастливым, одаренным всем, что может дать человеку природа, — происхождением, статью, талантом, умом и энергией, необходимой и достаточной для реализации своих задатков. Он прославился в восемнадцатилетнем возрасте, сыграв своего ровесника в фильме «Я шагаю по Москве» (1963), финальная песня которого отныне навсегда связана с его именем и его голосом и продолжает ошеломлять своими актерскими «выходами» до сих пор. Вся страна тащилась от его проводника в «Вокзале для двоих» (1982) — и впрямь, большого жлоба в нашем кино не было, хоть памятник ему ставь на всех привокзальных площадях. Вся страна тащилась от его Паратова в «Жестоком романсе» (1984) — и в самом деле, большого барина в нашем кино не было.

Но в России до сих пор убеждены, что актер не играет и не подражает, а просто извлекает из себя и показывает свою сущность. С тех пор сопутствуют Михалкову взаимоисключающие определения «барин» и «жлоб», не имеющие ничего общего с тем, что он есть на самом

деле. А ведь вот-вот грядет опаснейший князь Пожарский в сериале «Статский советник», подготовленный князем Валковским, которого он гениально сыграл в «Униженных и оскорбленных» (1990). Что-то станут говорить о Михалкове после роли этого обер-заговорщика — что он сочетает обаяние с безжалостностью, беспредельный цинизм и жажда власти?

Даже лицепрятное выражение «помесь Обломова со Штольцем», указывающее на некоторые реальные свойства его личности — всего лишь ассоциация, отражающая нашу собственную склонность характеризовать живых людей застывшими литературными категориями, равно как и двусмысленное «свой среди чужих, чужой среди своих», то и дело применяемое к нему.

Между тем само слово «Михалков» уже настолько мифологично, что через несколько десятков лет может стать таким же нарицательным, как «Обломов», «Макиавелли» или «Дон Кихот», но обозначать оно будет не одно определенное человеческое качество, а человека настолько разностороннего, что каждый сможет вложить в него все, что захочет. Можно сказать, что Никита Михалков — персонаж того шекспи-

ровского театра, про который сам Шекспир сказал: «Весь мир — театр, и люди в нем — актеры».

В кавычках и без

Существуют «Михалков» и Михалков. Первого следует отличать от Михалкова, поскольку второй реален, а первый целиком создан молвой. К примеру, если вы не знаете, «Михалкова» назвали Никитой в честь Никиты Сергеевича Хрущева, к которому хотел подольститься михалковский батюшка Сергей Владимирович. «Ах, вы говорите, что Михалков родился тогда, когда Хрущева никто всерьез не принимал? Надо же, какой предусмотрительный папа!»

Крылатую фразу: «Если бы Бога не было, его следовало бы выдумать» легко приложить к «Михалкову»: если бы его не было, его следовало бы придумать. Нужен был кинематографистам царь Никита — придумали и венчали на царство. Понадобился Генеральный Злодей, вынашивающий тайный замысел погубить возглавляемый им Союз кинематографистов и присвоить его имущество, — придумали и повторяют это с маниакальным упорством. «Ах, вы говорите, что

нет никаких документов, подтверждающих эти замыслы? Потому и нет, что он все скрывает!».

Первым толчком к мифологизации Михалкова послужило его знаменитое выступление на революционном V съезде Союза кинематографистов (1986), где он перекрестил зал вступился за Сергея Бондарчука, назвав его изобретением на съезд «ребячеством». Появился враг народа — ату его! Эхо этого съездского «ату!» промчалось через конец 80-х и половину 90-х и сказалось на восприятии его фильмов. Отныне они принимались на «ура» за границу и сквозь зубы — в своей кинематографической среде. Говорят, что «Очи черные» (1987) лишил «Золотой пальмовой ветви» Элем Климов, бывший тогда в канском жюри и обменявший ее на спецприз «Покаянию». По-своему он был прав, так как бескомпромиссная фантазмагория Абуладзе была ему ближе, чем протезизм Михалкова, но мы-то что? Что нам Матрострой, венецианский «Золотой лев», каннский Гран-при и даже «Оскар», если «Очи черные» — лубок, «Урга» — реклама презервативов, а «Утомленные солнцем» — антидворянская и антиинтеллигентская лабуда?!

Ко второй половине 90-х, когда кинопроизводство резко сократилось, перестроенные иллюзии были изжиты, и на Климова со товарищи задним числом обрушилась такая же волна недовольства, какая хлынула на «застойное» руководство СК во главе с Кулиджановым. Символом новых упований, столь же несбыточных, как и прежние, естественным образом стал Никита Михалков — самый харизматичный, самый обаятельный, самый деловой (создатель компании «ТРИТЭ» и президент Российского фонда культуры), самый влиятельный (открывает ногой все двери в коридорах власти), самый именитый и знаменитый в мире российский кинематографист, притом противник старого руководства. «Вот придет барин...». Первенство и лидерство Никиты Сергеевича признали те же люди, что зашикали его на V съезде, триумфально избрав председателем Союза кинематографистов России. Сказать, что Михалкову всеобщее признание было до лампочки, было бы неправдой. Как нет человека, который бы не желал

любви, так нет актера, который не жаждал бы поклонения и восхищения. Публичный восторг опьяняет, и в этом опьянении наш герой предложил столько проектов, сколько не мог реализовать ни он, ни кто-либо другой.

Михалков и Пушкин за все ответят

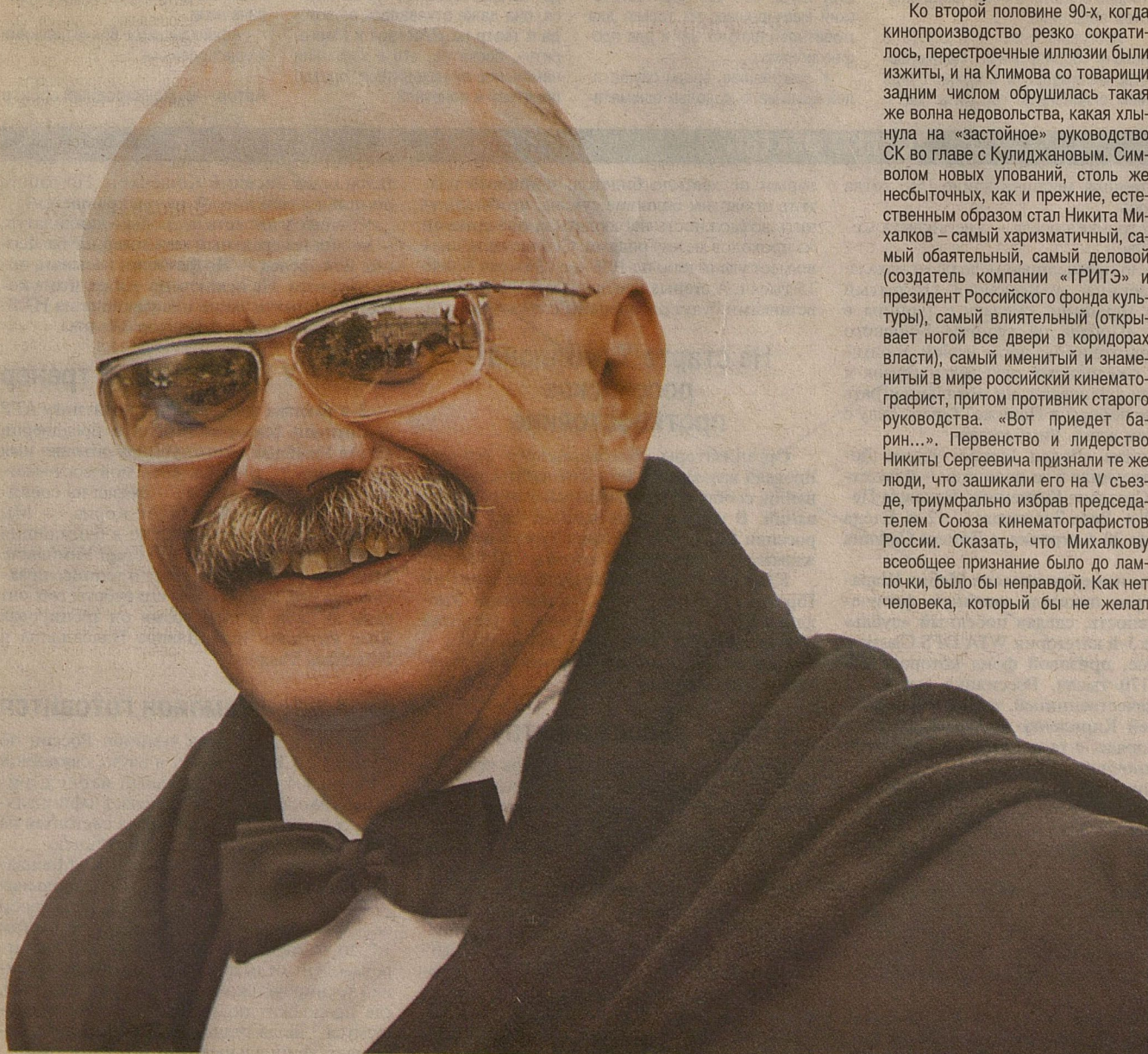
Но это не была демагогия политика, который врет для того, чтобы получить власть. Михалкову ее отдавали безо всяких обязательств с его стороны, и он сам добровольно взял их на себя, поскольку вопрос: «Кто, если не ты?» требовал ответа. Если угодно, он принял вызов и взялся за дело, которое могло только испортить его реноме, поднятое тогда на недостижимую высоту. В запущенных делах СК принимало участие множество людей, и любое вмешательство не только задевало различные интересы, но и вызывало недовольство, обычно выражаемое в камуфляжной форме, когда противника обвиняют в собственных погрешностях. Не стоит забывать и о черной зависти, побуждающей к клевете и столь же свойственной творческим людям, как и белая, побуждающая к соревнованию. Так создавался повторный миф о «Михалкове» — главном враге кинематографического народа. С «Михалкова», как с Пушкина, спрашивают за все, что не так. Новый руководитель Союза оказался в том же положении, что два его предшественника, особенно Элем Климов, который в подобной ситуации просто ушел со своего поста через пару лет после избрания. Но Климов сломал зарешеченную машину кинематографии, выпустив узников системы на свободу, а Михалков не смог построить для них черную «Волгу» вместо черного воронка. Тяжесть возложенных на него и несбывшихся надежд лишь усугубляет миф, но обязательства остались и не дают ему уйти. В конце концов он и сам осознал свое положение, с горечью и гордостью сказав в интервью: «Те, кто придумал меня монстром, пусть с ним и живут!».

Заслуженный «Михалковым» реальный Михалков все еще остается загадкой. Чтобы пролить на нее свет, не нужно измышлений. Ключ в его картинах, которые вернее выражают душу творца, чем все, остающееся за кадром. Михалкова надо искать в «Своем среди чужих, чужом среди своих», «Рабе любви», «Неоконченной пьесе для механического пианино», «Пяти вечерах», «Нескольких днях из жизни Обломова», «Родне», «Очах черных», «Урге», «Утомленных солнцем» и «Сибирском цирюльнике», после которого все почему-то решили, что он хочет въехать в Кремль на белом коне, как Паратов на пароход.

Кстати, не знаю как насчет «быть президентом», но сыграть президента он точно сможет — и по известному принципу «Царей играл, а уж министра как-нибудь сыграю», и потому, что съемочная площадка, где режиссер — верховный распорядитель, не что иное, как мир в миниатюре.

ИЗ ДОСЬЕ:

Никита Сергеевич МИХАЛКОВ. Родился 21 октября 1945 г. в Москве. Служил во флоте. В январе — с 1961 года. С 1990 по 1991 год работал советником премьер-министра правительства России Ивана Силаева — по вопросам культуры и культурных связей с зарубежными странами. В 90-е годы — президент Всероссийской теннисной федерации. С января 1992 г. — член президиума Российского международного фонда культуры. В 1988 году создал собственную студию «ТРИТЭ» («Творчество. Товариществу. Труд»), занимающуюся кино- и издательской деятельностью. С мая 1993 года — председатель правления Российского фонда культуры. В сентябре 1995-го на съезде движения «Наш дом — Россия» Никита Михалков был утвержден на 2-м месте в списке этого движения. В 1995 году избран членом президиума Всемирного русского собора. С 1998 года — председатель Союза кинематографистов России. Является президентом Московского международного кинофестиваля (ММКФ), членом Совета при президенте РФ по культуре и искусству, членом комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, представителем России в Европейской киноакадемии.

ИГОРЬ ХАРИТОНОВ